

А. А. Тарасов²**СУД ПРИСЯЖНЫХ КАК ФОРМА ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА В СИТУАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Народное участие в правосудии, особенно в уголовном, в истории большинства государств с развитыми правовыми системами, независимо от избранной процедурной формы, всегда рассматривалось правящими элитами как способ нейтрализовать народное недовольство и найти общий язык с населением своей страны. В высшей степени это касается именно суда присяжных в классическом его варианте, в котором непрофессиональные судьи, отобранные в результате случайной выборки представители общества, принимают самостоятельное, независимое от профессионального (коронного) судьи решение по главному вопросу любого уголовного дела — о виновности либо невиновности подсудимого. В научной литературе отмечается, что априорное доверие к вердикту присяжных (на латыни «*vere dictum*») буквально означает «правдиво сказано») изначально было обусловлено тем, что он пришел на смену ордалиям — «божьему суду» — и унаследовал в том числе и сакральный смысл. Отдавая решающее слово присяжным, подсудимый как бы вверял свою судьбу Богу³.

Сегодня в привлечении к рассмотрению уголовных дел непрофессиональных судей, образующих в своей коллегии из восьми или шести человек некий срединный срез общества, уже нет той древней смысловой нагрузки. Однако обращение к суду присяжных крайне важно для сохранения стабильности и жизнеспособности государственной системы правосудия, а чужда ей — и всего государственного механизма.

Наиболее рельефно это проявляется в кризисных ситуациях, в условиях экономической и социально-по-

литической нестабильности. В такое время государству особенно важно заручиться поддержкой большинства населения, которому, с одной стороны, дается понять, что с его мнением считаются в одной из самых значимых социальных сфер, с другой — предлагается непосредственно выразить свое мнение по вопросу доказанности факта преступления и виновности подсудимого в его совершении. Важно, что мнение это будет решающим для содержания приговора суда. Полагаем, что потребность в народной поддержке сыграла не последнюю роль в увеличении частоты применения института присяжных заседателей в современной России.

Суд присяжных — дорогостоящий и организационно затратный правовой механизм. Этот факт в течение нескольких столетий традиционно использовался противниками привлечения непрофессионального элемента в правосудие. В последние годы проблема оптимизации бюджетных расходов коснулась всех сфер общественной жизни. Задача такой политики очевидна: это целенаправленное сокращение бюджетного финансирования. Однако в разгар оптимизации в июне 2016 года был принят пакет законов, предусматривающих расширение компетенции российского суда присяжных, а с июня 2018 года суд присяжных начал действовать на уровне районного звена федеральной судебной системы, то есть в самом массовом ее сегменте.

Спротивление значительной части профессионального юридического сообщества как расширению компетенции суда присяжных, так и самому его существованию — тоже общеизвестный факт. Суд присяжных вводился в средневековой Англии, в революционной Франции конца XVIII века и в борющихся за независимость североамериканских штатах как инструмент общественного противодействия бесправию государственных чиновников, занимающих судебские кресла. Склонность чиновников к деспотизму презюмировалась, а представители общественности привлекались к судейству не только для недопущения произвола, но и для подтверждения факта его отсутствия в случае необходимости. Поэтому к недовольству самим фактом существования суда присяжных, проявляющемуся у конкретных судей, прокуроров и других государственных должностных лиц, причастных к управлению правосудия, следует относиться как к закономерному явлению. Кроме того, российский чиновник в принципе не привык отчитываться о своей работе перед людьми, а уж зависеть от их мнения — тем более.

² Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Башкирского государственного университета (Уфа), доктор юридических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии», «Стереотипы профессионального правосознания и проблемы „обратной связи“ правоохранительной системы и общества», «Уголовно-процессуальная компаративистика и проблема точности перевода юридических терминов», «Процессуальная форма и бюрократический формализм: проблема соотношения в уголовном судопроизводстве», «Реализация уголовной политики: современные проблемы уголовного и уголовно-процессуального правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения», «Обновленный российский суд присяжных сохранен в классической модели», «„Правозащита“ или „борьба с преступностью“? К дискуссиям о теории и практике реализации уголовной политики» и др.

³ Стрелкова Ю. В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 24.

Суд присяжных нужен не только самому гражданскому обществу, но и государству, желающему жить с гражданским обществом в согласии. Он способен оказывать позитивное влияние на всю систему уголовной юстиции вне зависимости от отношения к нему конкретных чиновников от юриспруденции. Неслучайно, например, одновременно с введением в УПК РСФСР 1960 года раздела X, посвященного суду присяжных, в ст. 69 («Доказательства») появилась часть третья, в которой было воспроизведено конституционное положение о том, что доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы. В отличие от обычного судопроизводства, в суде присяжных не должны даже звучать недоброкачественные доказательства, поскольку заключенная в них информация может сыграть свою убеждающую роль в отношении присяжных независимо от ее достоверности, надежности способа получения и проверяемости. То же касается устных высказываний в присутствии присяжных, да и любых поведенческих проявлений в ходе судебного разбирательства.

Влияние суда присяжных распространяется также и далеко за пределы системы уголовной юстиции. Резонансные процессы в разных странах и эпохах вошли в мировую историю благодаря тому, что в них отразились политические явления, представляющие всеобщий интерес. Прежде всего, это касается оправдательных вердиктов присяжных, особенно «нуллифицирующих», когда присяжные признают подсудимого невиновным, несмотря на очевидные доказательства виновности, в том числе на признание обвиняемого в совершении преступления. К ним относятся такие нашумевшие в свое время истории, как дело по обвинению Веры Засулич в покушении на генерала Ф. Ф. Трепова (1878 г., Петербург, Российская империя), дело по обвинению Самуила Шварцбарда в убийстве Симона Петлюры (1928 г., Париж, Франция) и многие другие. Нуллификация как особое явление образует самостоятельное направление исследований проблем суда присяжных в юридической науке. Названные процессы имели выраженную политическую подоплеку и вызвали крайне противоречивые реакции в обществе: от горячей поддержки до крайнего осуждения, переходящего на институт суда присяжных в целом.

В современной России нуллифицирующие вердикты тоже встречаются и вызывают оживленные дискуссии даже без всякой политической подоплеку. Яркий пример — оправдательный вердикт по делу Краскиной, вынесенный Ивановским областным судом 10 марта 1995 года. Признав доказанным факт совершения убийства своего сожителя на бытовой почве именно подсудимой — шестидесятилетней женщиной, присяжные одновременно признали ее невиновной в совершении преступления. Очевидная для профессионала логическая ущербность такого решения, подтвержденного, тем не менее, присяжными даже после дополнительных разъяснений председательствующего, стала предметом широкого обсуждения в специальной литературе. По поводу причин оправдания Краскиной высказывались разные предположения. В числе версий было и мнение, что недостаточно профессио-

нально работали государственные обвинители и председательствующий. Присяжным, как подразумевалось, не объяснили, что свое сочувствие пожилой женщине они могут выразить, например, признанием ее заслуживающей снисхождения или особого снисхождения, которое было предусмотрено действовавшим на тот момент законом¹.

В обсуждении этого дела в научной литературе было прокомментировано известное высказывание А. Ф. Кони о том, что виновность может быть понята не только в узком уголовно-правовом, но и в широком общесоциальном смысле. В последнем случае виновность означает способность данного общества вменить в вину данному человеку данное преступление². А. Ф. Кони был председательствующим по делу В. И. Засулич и с оправдательным вердиктом присяжных не согласился. Однако в том, что подобные решения допустимы и при этом не ставят под сомнение саму необходимость суда присяжных в России, А. Ф. Кони также был уверен. Он считал суд присяжных лучшим нововведением российской судебной реформы XIX столетия.

Зарубежные исследования по проблемам нуллификации в судах присяжных позволяют классифицировать основные причины оправдания подсудимых вопреки доказательствам виновности: это либо какие-то исключительные обстоятельства совершения преступления, либо исключительные характеристики личности подсудимого, либо категорическое несогласие присяжных с законом, подлежащим применению³. Данные факторы могут сочетаться между собой, а также дополняться еще и резко негативным отношением к правоохранительным органам и к властным структурам вообще.

Оправдательный вердикт в отношении шестнадцатилетнего Романа Казакова по делу об убийстве в Санкт-Петербурге восьмилетней таджикской девочки (март 2006 г.) повлек прекращение уголовного преследования в этой части при осуждении и самого Казакова, и других подсудимых за хулиганство⁴. В судебном следствии по разным поводам фигурировали сведения, касающиеся отношения жителей Санкт-Петербурга к мигрантам из Таджикистана и к переселенцам вообще. Прежде всего, речь шла об организованной преступности и наркоторговле в данной социальной среде и возможной причастности к незаконной деятельности отца и родственников убитой девочки. На этом очевидно неблагоприятном фоне обсуждались и доводы защиты, касавшиеся отсутствия прямых доказательств совершения убийства именно Казаковым, а не кем-то другим. Голосуя за недоказанность совершения убийства конкретным юношей, присяжные необязательно выражали свое сочувствие к подсудимым, и уж тем более они едва ли оправды-

¹ Подробнее об этом см.: *Тарасов А. А.* Единичное и коллективное в уголовном процессе: правовые и социально-психологические проблемы. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 290–291.

² Подсудимая: «Вину признаю полностью». Вердикт присяжных: «Не виновна» // *Рос. юстиция.* 1995. № 8. С. 4–5.

³ *Стрелкова Ю. В.* Указ. соч. С. 85.

⁴ Кассационное определение по уголовному делу № 78-006-65сп. Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=150856 (дата обращения: 30.12.2018).

вали убийство ни в чем не повинной девочки. Но при этом у голосовавших было негативное отношение к мигрантам вообще, а также к миграционной политике петербургских властей и разным аспектам работы правоохранительных органов с этническими преступными группировками. Нет сомнений в том, что эти вопросы были предметом обсуждения в совещательной комнате и результаты дискуссии наверняка повлияли на оценку присяжными юридически значимых обстоятельств дела.

Подводя итог, подчеркнем, что суд присяжных — это не просто процедурная форма рассмотрения и разрешения уголовных дел — это продолжительный и многоплановый диалог государства и общества по наиболее значимым вопросам социально-политической жизни страны. Суд присяжных — одно из лучших средств диагностики общественных настроений, и при умелом использовании — один из самых эффективных способов влиять на них в ситуации глобальной нестабильности.